Е. Г. ЛАПИНА-КРАТАСЮК, М. В. РУБЛЕВА

Лапина-Кратасюк Екатерина Георгиевна
кандидат культурологии
доцент,
факультет коммуникаций, медиа и дизайна,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: kratio@mail.ru

Рублева Милена Валерьевна
магистрант,
факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: mefito23@gmail.com

Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия

Аннотация. В статье предпринят анализ российских цифровых проектов сохранения личной памяти (таких как «Устная история», «Европейская память о ГУЛАГе», Обнинский цифровой проект, PastVu, Relikva и некоторые другие) для ответа на вопрос, способны ли эти проекты сформировать альтернативные официальным представления о прошлом и производстве знания о нем. На основании некоторых теоретических подходов и положений теории памяти, публичной и цифровой истории, а также направлений гуманитарного знания, изучающих взаимодействие памяти, истории и (цифровых) медиа и культуру участия, авторы предлагают модель анализа цифровых архивов, основанную на выявлении тематики и целей проектов, особенностей их финансирования, роли профессиональных историков в их создании и функционировании, а также возможностей для участия аудитории в работе этих проектов.

Ключевые слова: цифровые архивы личной памяти, цифровая история, публичная история, культура участия

© Е. Г. ЛАПИНА-КРАТАСЮК, М. В. РУБЛЕВА DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-147-165

В последнее время разговор о прошлом занимает все больше места в российском публичном пространстве. При этом поводами к дискуссии в большинстве случаев становятся действия, предпринимаемые государством, его представителями или связанными с властью квазиобщественными организациями. В качестве примеров можно привести установку памятника князю Владимиру [Медведев 2017], трансформацию движения «Бессмертный полк» [Тарасов 2018], государственное финансирование фильмов на исторические темы [Вокуев 2016]. Для анонсирования и PR таких проектов привлекается весь инструментарий медиа, включая печатную прессу, аудиовизуальные платформы и Интернет.

Подобные проекты часто поддерживают консервативную общественно-политическую повестку [Эппле 2017], воспроизводя мифологемы, конструируемые в рамках так и не артикулированной до конца государственной исторической политики.

Одновременно с этим профессиональное историческое знание оказывается на периферии общественного и государственного интереса. В то же время, несмотря на то, что отрицать влияние государства на историческое сознание современных россиян сложно [Публичная сфера 2017], будет преувеличением считать, что государство обладает сегодня монополией на историческое знание и репрезентацию прошлого: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. ‹…› Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней (roots) и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним ‹…› В каком бы сочетании ни выступали эти элементы, мир затопила нахлынувшая волна вспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью» [Нора 2005].

Проекты, рассматриваемые в нашей статье, являются примерами относительно нового для российского культурного пространства способа конструирования прошлого, о котором с известной долей иронии пишет П. Нора. Цель этих проектов — отбор и аккумуляция свидетельств частной памяти, таким образом, в них именно человек в своей индивидуальности, воссозданной сквозь призму письменных и визуальных источников, становится главным условием понимания и присвоения истории. Цифровая среда, в которой существуют эти проекты, с одной стороны, еще более повышает «чувствительность к сбору архивов», с другой же — усиливает ощущение индивидуальной причастности к истории и к созданию нарратива о прошлом.

Основной исследовательский вопрос, поднимаемый в нашей статье: способны ли сегодня российские цифровые проекты личной памяти сформировать альтернативные официальным представления о прошлом и о производстве знания о нем?

Методологически мы опираемся на исследования, в которых изучаются взаимодействия академической науки, медиа и публики в производстве соци-

ально значимого знания (public science, public history, digital history), на концепции исследований памяти (memory studies), а также на научные направления, посвященные взаимосвязи памяти и медиа (media memory, digital network memory).

Определяя содержание и функции архивов частных воспоминаний, мы обращаемся прежде всего к работам Алейды Ассман, ведущего современного теоретика мемориальной культуры. А. Ассман выделяет накопительную и функциональную культурную память [Ассман 2014]. Функция первой — служить своего рода историческим архивом, второй — быть ценностным каноном, методом активной оценки и отбора воспоминаний. Имманентные свойства цифрового проекта, на наш взгляд, позволяют переосмыслить связи между этими двумя механизмами: проект — это одновременно и база данных, в которую можно вносить изменения и дополнения, и инструмент рефлексии над работой памяти.

Еще одна из задач, которые ставит А. Ассман, — изучить то, как память-опыт отдельных людей становится частью до определенной степени обезличенной культурной памяти. Индивидуальная память становится коллективной через участие ее носителя в ритуалах, которые по природе своей социальны [Grimes 2006]. Природа медиатизированного ритуала является одной из ключевых проблем современной антропологии, и для нас важно ответить на вопрос, в какой степени публикация и коллективное обсуждение онлайн-историй о прошлом может стать подобным ритуалом.

Бытованию памяти в медиа А. Ассман уделяет особое внимание. Будучи тотально коммерциализированными, СМИ неизбежно ориентируются на то, что может принести прибыль, — на новость, сенсацию, изменение: «СМИ тесно сопряжены с вниманием, которое эфемерно, а не с памятью, для которой характерны воспроизводимость и устойчивость» [Ассман 2014: 151].

Представляют ли в таком случае цифровые медиа как место производства и фиксации памяти — с их общедоступностью, часто некоммерческим характером взаимодействия с пользователями и партисипативными практиками — значимую оппозицию традиционным медиа? Поскольку традиционные медиа в России так или иначе находятся в государственной собственности, более общая проблема, связанная с соотношением «меры» памяти в традиционных и новых медиа, поставленная А. Ассман, может рассматриваться в российском контексте и более узко, что возвращает нас к основному исследовательскому вопросу статьи: способна ли российская цифровая среда породить альтернативную официальной версию прошлого, основанную на памяти, а не на идеологии (или на памяти как идеологии).

Теоретически исследование российских цифровых архивов частной памяти пересекается с проблематикой media memory [Garde-Hansen 2011; Hoskins 2009; Erll 2005] — направления исследований, посвященных взаимодействию памяти и медиа в начале XXI в. Ученые, работающие в этом направлении, обращаются к различным медиа (телевидение, кинематограф, радио, новые медиа), жанрам (новости, художественная проза, документальные фильмы) и общественно-политическим контекстам (США, Великобритания, Испания, Нигерия, Германия); центры исследований media memory находятся в Великобритании, Нидерландах и Израиле.

Так, чтобы понять, как устроена память в цифровую эпоху, Астрид Эрлл обращает внимание на необходимость прояснить не только социальные, но и индустриальные обстоятельства создания и функционирования проектов, рассматривать не только темы и жанры, но и специфику используемых технологий, а также институциональную принадлежность того или иного проекта [Erll 2005]. Мы постарались учесть эти факторы в анализе проектов, который приводится ниже.

В то же время теоретическая рамка media memory слишком широка, поэтому, например, исследователь из Великобритании Эндрю Хоскинс отказался от использования термина media memory и разрабатывает концепцию digital network memory [Hoskins 2009], посвященную проблематизации частной памяти в ситуации цифровой и сетевой культуры. Понятие media memory, по мнению Э. Хоскинса, относится к контексту XX в. с его развитой системой массмедиа, в рамках которой упорядоченный медиаландшафт формируется вертикальными связями между производителем и потребителем медиаконтента. На современную онлайн-среду оказывает влияние гораздо большее число факторов и акторов, а связи между ними в основном горизонтальные. В такой ситуации единообразная и универсальная репрезентация прошлого практически невозможна: ее место занимает «цифровая сетевая память», которая воспроизводится в процессе вовлечения пользователя в самые разнообразные социотехнологические практики, основанные на использовании Интернета, цифровых платформ и сетевых взаимодействий. Легко заметить, что то, о чем пишет Э. Хоскинс применительно к «цифровой сетевой памяти», близко по описанию к содержанию понятия «культура участия», предложенного Генри Дженкинсом [Jenkins 2006]. Каждый пользователь — уже не пассивный потребитель, и его роль в производстве контента, в том числе «контента памяти и истории», не менее важна, чем роль профессиональных историков и медиапродюсеров.

Э. Хоскинс приходит к выводу о том, что современный деинституционализированный, полицентричный, организованный как сеть пользователей архив относится одновременно и к сфере частного, и к сфере публичного. Логика развития памяти и медиа, по его мнению, привела к тому, что основой подобного публичного открытого архива становятся свидетельства о частном, персональном опыте проживания прошлого, — что мы и наблюдаем в рассматриваемых нами проектах. Растущую популярность цифровых архивов частной памяти можно, с одной стороны, объяснить увлечением (даже чрезмерным) архивами разного рода, о котором пишет П. Нора: архивы становятся «точками опоры» памяти, выражением надежды на ее фиксацию и сохранение, воплощением «суеверного уважения к следам прошлого» [Нора 1999: 36]. С другой стороны, цифровые архивы частной памяти — это своеобразное проявление «сетевого индивидуализма», о котором писали канадские социологи Барри Веллман и Ли Рейни в своей ставшей сегодня классикой цифровых исследований книге «Связанные сетью. Новая социальная операционная система» [Rainie, Wellman 2012]. В ситуации сетевого общества культивирование индивидуализма не противоречит постоянному расширению сети контактов; более того, именно причастность к сетевому сообществу становится причиной и поводом для все более детального конструирования себя и своей истории.

И, наконец, изучение архивов частной памяти может быть интересно в контексте проблем публичной истории, расширения форм взаимодействия академической науки и публики, а также определения роли гуманитарных наук в публичном пространстве. Концепция popular science предполагает, что в создании общественно значимого знания на равных участвуют наука, общество и медиа [Абрамов, Кожанов 2015]. Соответственно, повестка этой коммуникации должна определяться при участии широкой аудитории, а не только ученых: в центре внимания здесь — публика, люди.

Развивая концепцию popular science, публичная история проблематизирует роль историка в процессах производства знания между наукой, медиа и обществом. Публичная история понимается и как расширение профессиональных компетенций историка и обучения его работе с общественными группами и организациями [Савельева 2014], и как отдельная субдисциплина, цель которой — разработка средств для представления научного исторического знания широкой публике [Репина 2015].

Роль историка в производстве цифрового знания о прошлом проблематизируется также в работах пионеров цифровой истории (к которой, безусловно, можно отнести анализируемые в нашей статье проекты) Дэниела Коэна и Роя Розенцвейга: «Каким образом цифровые медиа и цифровые сети позволяют нам делать нашу работу как историков лучше?» [Cohen, Rosenzweig 2006: 3].

Цифровые историки отвечают на этот вопрос по-разному. Одни считают, что будущее истории в цифровую эпоху — за сетевым краудсорсингом и партисипативными практиками производства знания о прошлом: историк-профессионал утрачивает свое исключительное право на историю, он должен быть гибок и открыт публике, может взаимодействовать с ней по всем ключевым вопросам своего ремесла, так как именно от этого зависит, как будет развиваться разговор о прошлом в публичном пространстве [Noiret 2013]. Другие представители digital history понимают цифровую историю прежде всего как историческую информатику, видят ее основную цель в создании и использовании цифровых инструментов для работы историка [Володин 2015]. Обе позиции представляются нам интересными в контексте анализа проектов цифровой памяти. И хотя в этой статье мы больше внимания уделяем изменившейся роли историка, одной из важных перспектив нашего исследования мы видим именно анализ того, как выбираются и/или разрабатываются цифровые инструменты для создания онлайн-архивов и как это влияет на интерфейс сайта, а следовательно, формы структурирования контента и взаимодействия с публикой.

Таким образом, соединив ключевые исследовательские вопросы перечисленных выше направлений, мы анализируем каждый из выбранных проектов по следующим категориям:

- «рамки памяти» [Хальбвакс 2007: 7]: тематические и хронологические рамки проекта;
- цель, которую преследуют создатели проекта;
- медиатехнологии, использованные для (ре)конструирования воспоминаний;
- организация и финансирование проекта;
- роль историков-профессионалов в проекте;
- организация работы с пользователями.

Методология исследования — анализ документов и медиатекстов (структуры и содержания сайтов), а также онлайн-наблюдение, позволившее выявить специфику функционирования сайтов. В ряде случаев при анализе использованы опубликованные в СМИ интервью создателей и пользователей цифровых архивов.

В качестве источников отобраны десять проектов, посвященных российской истории и основанных на личных воспоминаниях людей. Отбор источников не бесспорен. Тем не менее мы выбирали их по принципу популярности среди историков-экспертов, с одной стороны, и по частоте упоминания в Рунете — с другой.

1. «Устная история» (http://oralhistory.ru) — архив мемуарных бесед.

2. «Прожито» (http://prozhito.org) — электронный корпус личных дневников.

3. «Сибиряки вольные и невольные» (https://сибиряки.онлайн) — сайт исследовательского проекта Томского областного краеведческого музея, на котором размещаются семейные истории жителей Сибири.

4. Обнинский цифровой проект (http://obninsk-project.net) — будущий «архив биографических, глубинных, лейтмотивных интервью с сотрудниками обнинских НИИ и с жителями города» [Орлова 2016: 156].

5. «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» (http://museum.gulagmemories.eu) — виртуальный музей, основанный на свидетельствах очевидцев о депортациях в СССР жителей стран Восточной и Центральной Европы.

6. «Открытый список» (https://ru.openlist.wiki) — база данных о жертвах политических репрессий в СССР (1917–1991).

7. «Бессмертный барак» (http://bessmertnybarak.ru) — сайт о жертвах советских репрессий.

8. Relikva (https://relikva.com) — сайт частной памяти, реализованный в форме виртуального музея фотографий «вещей» прошлого и историй, связанных с этими предметами.

9. PastVu (https://pastvu.com) — архив старых фотографий.

10. «История России в фотографиях» (https://russiainphoto.ru) — общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции.

«Рамки памяти»: тематические и хронологические границы сайтов личных воспоминаний и цели этих проектов

В мировой практике мемориальная культура — это чаще всего проекты, посвященные историческим травмам, таким как Холокост. Значительная же часть российских проектов имеет более широкие тематические рамки, но главное в них не собственно тема, а скорее интерес к частным историям. Например, авторы проекта «Устная история» пишут:

> Мы видим свою задачу в расширении тематического и географического пространства личных свидетельств в нашем архиве с целью формирования единого «пространства памяти» истории России XX века. Мы уверены, что наша работа — важный шаг к принятию и осознанию общего прошлого, к ответственности за него. Нам бы хотелось, чтобы наша работа стала этапом общего дела по созданию междисциплинарной научной институции нового сетевого типа [О проекте (b)].

Основная цель проектов «Устная история», «Прожито», «История России в фотографиях» — не осветить определенную тему, а сделать доступным для исследователей новый цифровой формат представления исторических источников, открывающий возможности не только для профессиональных исторических высказываний, но и для частных обсуждений. Во многом цели создателей этих проектов соотносятся с пониманием цифровой истории как «исторической информатики», о которой упоминалось выше. Тематические и географические границы таких проектов могут быть максимально широкими. Так, создатели проекта «Прожито» одной из своих перспективных задач называют «расширение географических и хронологических рамок проекта и превращение “Прожито” в мультиязычную ‹…› площадку, включающую в себя материалы на разных языках и разных периодов» [О проекте (а)].

В то же время в русскоязычной Сети существует по крайней мере три проекта — «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», «Открытый список» и «Бессмертный барак», посвященных памяти о советских репрессиях и системе ГУЛАГ, продолжающих традицию многочисленных европейских проектов, которые посвящены личной памяти о Холокосте. Тема репрессий является одной из важнейших также в проекте «Сибиряки вольные и невольные».

Часть проектов, по замыслу их авторов, является преимущественно пространством «цифровых штудий» (и поэтому решает задачи отечественной цифровой истории, о которых говорилось выше [Володин 2015]), т. е. местом, где ученые-гуманитарии апробируют онлайн-инструменты. Так, создатели Обнинского цифрового проекта, посвященного «дворянству атомной эпохи», стремятся «отрабатывать на базе обнинских исследований способы делать науку уже не ядерного, но цифрового века» [Орлова 2016: 156]. Не отрицая, таким образом, важности научного краудсорсинга и партисипативных практик, создатели проекта допускают аудиторию к решению только четко ограниченного круга задач.

Авторы ряда проектов ставят перед собой просветительские цели. Эти цели, например, важны для проекта «Устная история».

Среди других важных задач проектов цифровой памяти — не только предоставить площадку для публикации индивидуальных свидетельств, но прежде всего сделать их легитимными, утвердить как полноправный источник формирования знания о прошлом, раскрыть для аудитории значение подобных историй, будь то свидетельства большого недифференцированного этнически и географически круга людей или воспоминания отдельных групп — таких как жители европейских территорий, депортированные в Сибирь и Среднюю Азию.

Например, «Сибиряки вольные и невольные» — это «попытка взглянуть на историю страны через призму истории своей семьи, истории места поселения; стремление увязать частные события, субъективные воспоминания и оценки с масштабными историческими процессами» [Сибиряки б. д.]. Создатели сайта Relikva предлагают понимать исторический музей как «музей частной памяти», в котором куратором становится каждый пользователь.

В то же время создатели сайта «Прожито» формулируют свои цели максимально широко:

> Наша задача — собрать в одной электронной библиотеке все личные дневники, как опубликованные, так и прежде неизвестные исследователям» [О проекте (а)].

«Прожито» публикует дневники людей, относящихся к самым разным социальным группам. Например, здесь есть дневник режиссера и актера Ролана Быкова и дневник токаря Белоусова. Таким образом, главное здесь — именно «частный», расфокусированный, мультиракурсный взгляд на историю, ни много ни мало альтернативный официальному и традиционному историческому способ репрезентации прошлого, а также предоставление и одновременно изучение и расширение тех возможностей, которые дает цифровая культура историческим наукам — не только в том, что касается общедоступности исторических источников и способов работы с ними (сравнение, комбинирование и т. п.), но и в области краудсорсинга и привлечения волонтеров.

Одна из целей PastVu — объединить людей:

> Основные цели сайта — сбор изображений, отражающих жизнь человечества и развитие разных населенных пунктов мира до 2000 года включительно, а также объединение людей, интересующихся этим [Правила].

Отчасти реализацию этой цели подтверждают две успешно проведенные краудфандинговые кампании. Таким образом, гипотеза об объединительном потенциале памяти в цифровой среде, высказанная и развитая Э. Хоскинсом в его концепции digital network memory, находит свое подтверждение и в российских цифровых проектах.

Наконец, в качестве вспомогательной цели в рассматриваемых проектах присутствует, имплицитно или эксплицитно, проблема понимания специфики медийной основы проекта и того, как ею определяется содержание и форма реконструируемого прошлого. Например, авторов проекта «Истории России в фотографиях» интересует трансформация медиума фотографии на протяжении XX в., изменение ее свойств и возможностей для сохранения и репрезентации личного и социального содержания.

Медиатехнологии, используемые для (ре)конструкции воспоминаний

Преобладающей формой личных воспоминаний служит текст — созданный носителем воспоминаний и незначительно отредактированный модераторами проекта («Устная история»), напрямую загруженный на сайт его автором (Relikva) или полученный в ходе интервью («Сибиряки вольные и невольные»). В проектах, рассказывающих о советских репрессиях («Открытый список», «Бессмертный барак»), пользователю предлагается опубликовать на сайте свой рассказ — таким образом, частные истории предстают в качестве исторических документов. Кроме того, один из проектов — «Прожито» — посвящен ремедиации текстовых дневников: оригиналы дневников или их бумажных изданий оцифровываются и впоследствии размечаются в соответствии со структурой сайта.

Другим важным источником для сайтов частной памяти являются фотографии. В проектах они выполняют разные функции. Это могут быть иллюстрации к тексту, который загружает пользователь («Открытый список», «Бессмертный барак», «Сибиряки вольные и невольные», «Европейская память о ГУЛАГе»). В Relikva фотографии и текст имеют одинаковое значение, более

того, именно фотография выполняет роль смыслового центра, вокруг которого строится текст, фотография провоцирует текст и дискуссию. Проекты PastVu и «История России в фотографиях» — это открытые фотоархивы. Значимость фотографии как основного источника в таких проектах подчеркивается и тем, что дополнительной задачей проекта может быть эстетическая и технологическая история фотографии (PastVu). Кроме того, проекты, основанные на фотодокументах, используют еще один важный медиум, который в мировой практике часто становится основой проектов цифровой истории, — онлайн-карты для локализации источников.

Гораздо реже в качестве источника воспоминаний на сайтах использованы аудиозаписи. Аудиозаписи и фотографии являются основными источниками в проекте «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе». На других ресурсах аудиозаписи — это только вспомогательные источники. На сайте «Устная история», например, аудиозапись подтверждает подлинность текста. Видеоматериалы в рассматриваемых проектах также используются не очень широко, несмотря на то, что в методологии устной истории именно видеозапись является основным способом фиксации воспоминаний [Рожанский 2018].

Таким образом, несмотря на то что цифровая история открывает широкие возможности для использования визуальных образов, карт и других нетекстовых или метатекстовых медийных форм, текст остается преобладающей формой в русскоязычных проектах частной памяти. В то же время источники текстов на сайтах разнообразны: это может быть записанный почти без корректуры рассказ респондента, отредактированный создателями проекта текст расшифрованного интервью, оцифрованный текст дневника или набиваемый непосредственно на сайт, т. е. существующий изначально в цифровой форме текст автора-любителя. Фотографии также являются одним из основных источников воспоминаний, тем не менее, на наш взгляд, проекты частной памяти пока не используют все возможности цифровой среды в полной мере. Более разнообразные сочетания контента — использование аудио- и видеоисточников наравне с текстовыми материалами, размещение самих текстовых фрагментов на сайте в более сложных, нелинейных системах (с использованием, например, технологий transmedia storytelling [Gambarato, Lapina-Kratasyuk 2016]) позволили бы рассматриваемым проектам более полно осветить разные стороны своих источников и привлечь к проектам больше участников и публики.

Организация и финансирование проектов частной памяти

Как организованы цифровые архивы индивидуальных воспоминаний, кому они принадлежат, кто определяет их политику и принимает решение о публикации одних, редактировании других и отклонении третьих материалов? Как сочетаются в этих проектах парадигмы сохранения и исследования? Как собираются средства, позволяющие реализовать новый формат сотрудничества между учеными-гуманитариями и специалистами по программному обеспечению и онлайн-медиа? Наконец, как организованы взаимодействие и сотрудничество между историками-профессионалами и публикой, которая является в этих проектах основным создателем контента?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим сначала, какие организации являются учредителями и/или спонсорами проектов, зачем этим организаторам цифровые архивы и как распределены полномочия между организаторами — учредителями, сотрудниками проекта и публикой.

Среди организаций, поддерживающих проекты создания цифровых архивов частной памяти в России, важную роль играют университеты и научно-исследовательские институты. Например, Обнинский цифровой проект, создававшийся под общим руководством профессора Оксфордского университета А. Л. Зорина, с 2012 по 2015 г. финансировался в рамках НИР Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС [Орлова 2016: 154]. Материалы архива мемуарных бесед «Устная история» хранятся в отделе устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова (в то же время следует учитывать, что архив открыт для всех желающих, а его материалы можно свободно копировать). Создатели проекта также подчеркивают, что учебные и научные подразделения МГУ поддерживают «Устную историю», а история Московского университета является одной из важных тем бесед, размещаемых в цифровом архиве.

«Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» — это единственный из рассматриваемых проектов, в создании которого принимала участие медийная организация. «Звуковые архивы» — результат сотрудничества академической институции, Центра изучения российского, кавказского и центральноевропейского пространства (Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen — CERCEC, http://www.cercec.fr), и «Радио Франс Интернасьональ» (RFI). Среди партнеров этого проекта — целый ряд французских и российских научно-исследовательских и учебных организаций.

В то же время академические организации являются в основном инициаторами или партнерами рассматриваемых цифровых проектов, но не их непосредственными учредителями. Можно предположить, что создатели стремятся к сохранению самостоятельности в определении политики проекта, а также свободы доступа к материалам архива, что может вступать в противоречие с правилами учебных и академических организаций.

Поэтому гранты от фондов, а также создание специальных фондов для поддержки сайта остаются важнейшими источниками финансирования рассматриваемых проектов.

Некоммерческий фонд «Устная история», созданный в 2010 г. сотрудниками отдела устной истории Научной библиотеки МГУ Дмитрием Споровым и Михаилом Найдёнкиным, позволяет привлекать к развитию проекта и другие фонды-спонсоры: «Устную историю» поддерживают Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова) и Благотворительный фонд поддержки и реализации программ в сфере культуры AVC Charity.

В работе Обнинского цифрового проекта значительную часть работы выполняли победители конкурса «Карамзинские стипендии», проводимого Фондом Михаила Прохорова. Проект «Сибиряки вольные и невольные» поддержан Благотворительным фондом В. Потанина.

Архив «Открытый список» был учрежден благотворительным фондом «Протяни руку», которым руководят Светлана Бахмина (бывший главный

юрист ЮКОСа, которая в 2004–2009 гг. сама находилась в заключении) и предприниматель Валерий Баликоев. Уставная цель фонда — «создание механизмов для бескорыстной помощи людям, находящимся в местах лишения свободы или оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах» [О фонде]. В то же время сотрудники фонда, непосредственно занимающиеся сайтом «Открытый список», — историки и программисты.

Среди организаций, которые учреждают и поддерживают цифровые архивы частной памяти, важную роль играют м у з е и. Для музеев архив личных свидетельств — возможность создать современное расширение своей экспозиции в медиасреде, а значит, способ преодолеть расстояние, которое отделяет музей от его потенциальной аудитории, с одной стороны, и от той части этой аудитории, которая способна стать соавтором исторического сайта, — с другой.

Например, проект «Сибиряки вольные и невольные» — важная составляющая публичной репрезентации Томского областного краеведческого музея им. М. Б Шатилова: «Мне важно, что в восприятии людей “Сибиряки” и Томский областной краеведческий музей (ТОКМ) уже идут как два взаимосвязанных понятия», — говорит в интервью старший научный сотрудник музея, один из авторов проекта Татьяна Назаренко [Сибиряки 2016].

Проект «История России в фотографиях» создан московским Мультимедиа Арт Музеем. В рамках издательской программы музей публиковал фотоальбомы, посвященные истории России XX в., но бумажное издание не смогло вместить и малой доли собранных фотографий. Так началась работа по созданию цифрового архива.

Наконец, из десяти рассматриваемых в нашей статье проектов четыре остаются полностью независимыми — «Прожито», Relikva, PastVu, «Бессмертный барак». Небольшая группа единомышленников (в среднем от двух до пяти человек) формулирует идею, привлекает частные инвестиции и прочие ресурсы или использует собственные, развивает проект и ищет источники финансовой помощи по мере необходимости.

Например, проект PastVu провел две краудфандинговые кампании, о которых уже говорилось выше. В 2013 г. на развитие сайта планировалось собрать 200 000 руб. (фактически собрано 323 758 руб., продано 227 акций) [Варламов 2018a]. В 2014 г. создателям проекта PastVu Илье Варламову и Алексею Дуку удалось повторить успех во второй краудфандинговой кампании: на региональное разделение проекта планировалось собрать 460 000 руб., в результате было куплено 493 акции и собрана вся запланированная сумма [Варламов 2018b]. Краудспонсоры могли финансировать определенные выбранные ими направления развития сайта.

Таким образом, хотя организационно академические институты и музеи играют важную роль в функционировании цифровых проектов, основными источниками финансирования последних являются гранты благотворительных фондов, собственные средства создателей проектов и средства аудитории (пожертвования / краудфандинг). Это позволяет создателям проектов сохранить контроль над содержанием проектов и распространением материалов, а аудитории — чувствовать себя частью проекта, соавтором и спонсором, а не только пассивным наблюдателем.

Роль историка в проекте и организация работы с аудиторией

Роли, которые играет профессиональный историк в проектах личной памяти, многообразны. Историк, во-первых, может быть автором, создателем и идеологом проекта, ему принадлежит идея проекта и стратегия развития сайта. Во-вторых, историки — участники проекта и посредники — берут интервью, делают расшифровки, готовят материал к публикации, модерируют присылаемые пользователями материалы и т. д. И, наконец, историк — это адресат сообщений и потребитель предлагаемого сайтом контента, использующий цифровой архив для решения своих исследовательских задач.

Из рассматриваемых в нашей статье проектов в Обнинском цифровом проекте и «Устной истории» историки совмещают все три роли. Инициаторами проекта и создателями концепции в обоих случаях стали преподаватели вузов и представители академических дисциплин. Круг лиц, причастных к производству знания о прошлом, в этих проектах ограничен, и решающим фактором служит как раз академический статус участников: это профессиональные историки, филологи, антропологи. Создатели этих проектов стремятся провести границу между профессиональной гуманитарной сферой и журналистикой:

> Ведущие, инициаторы беседы, — не журналисты, а люди, понимающие суть заявленной проблематики интервью, знающие собеседника и его историю [О проекте (b)].

Другие проекты, такие как Relikva и PastVu, наоборот, созданы медиапродюсерами и блогерами, в этих проектах ученые-гуманитарии не имеют особого статуса, хотя и могут участвовать в создании контента наряду с другими пользователями. Состав команды «Истории России в фотографиях» смешанный — там есть и историки искусства, и профессиональные медийщики.

В большинстве рассматриваемых проектов историки выполняют роль приглашенных специалистов, посредников и модераторов. Так, проект «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», задуманный французскими историком и журналистом, был реализован рабочей группой, в состав которой входили в том числе историки из России — именно они интервьюировали респондентов. По такому же принципу работает «Открытый список»: идея, изначально предложенная создателями благотворительного фонда, была оформлена и развита приглашенными фондом историками.

В «Сибиряках вольных и невольных» коллектив историков выступает в качестве создателей и модераторов проекта, однако этот проект нам хотелось бы выделить особо, так как у историков в нем появляется еще одна важная функция — они помогают пользователю, который хочет загрузить свою историю на сайт, в ее подготовке и оформлении. На сайте опубликованы рекомендации, помогающие непрофессионалу освоить навыки рассказа о прошлом с помощью специалиста, профессионально владеющего историческим инструментарием.

В проекте «Прожито» роли историков «рассыпаны» по проекту: один из основателей проекта — историк, но в числе волонтеров-посредников, готовящих текст к публикации, есть представители широкого круга профессий. Сре-

ди аудитории «заинтересованных пользователей» также могут присутствовать историки, но профессия не является обязательным условием их участия в проекте. Историк здесь определяет вектор рассказа и затем привлекает на свою сторону единомышленников.

В рассказе о проекте «Бессмертный барак» редактор этого сайта А. Шалаев упоминает историков в ряду других волонтеров:

> О людях, которые это делают. В первую очередь стоит отметить всех, кто помогает нам финансово осуществить наш проект. Это совершенно обычные люди, это вы. ‹…› Есть ряд волонтеров, историков, картоведов, просто людей, небезразличных к нашему начинанию. У проекта есть особые друзья — это краеведческие музеи и архивы разных городов [Бессмертный барак].

Напомним, выяснить, какую роль играют историки-профессионалы в создании и работе проектов частной памяти, важно прежде всего потому, что нас интересует вопрос о месте и роли публичной истории в российском общественном контексте и гуманитарном знании. Развитие этого направления публичной науки зависит во многом от готовности ученых взаимодействовать с неакадемическими формами знания о прошлом и осуществлять перевод специализированного знания для широкой аудитории. Историки являются важными участниками всех анализируемых в нашей статье проектов, и в большинстве проектов — ключевыми фигурами. Важно также отметить, что историки принимают участие в проекте на разных его этапах: от создания концепции до помощи пользователям в овладении историческим инструментарием, а многие проекты являются партисипативными по основному замыслу. Таким образом, историки в рассматриваемых нами проектах вольно или невольно участвуют в развитии концепции российской публичной истории, активно взаимодействуют с публикой, хотя для большинства из них публика важна лишь в качестве информантов, а не активных соавторов. В то же время в некоторых цифровых проектах историки делятся с публикой как накопленными архивами документов, так и профессиональными навыками, что позволяет не только повысить качество создаваемых пользователями материалов, но и расширить понимание специфики исторического знания, а также медиаформатов и сторителлинга.

Среди создателей российских цифровых проектов частной памяти есть медиапродюсеры, но такие проекты пока немногочисленны. В то же время представляется важным отметить, что подход медиапродюсеров предполагает значительно большую включенность публики в работу с прошлым, а также более сложный и современный медиаинструментарий такого взаимодействия. Хотя между учеными и медиапродюсерами традиционно существует взаимное недоверие, которое, конечно, имеет основания, для развития публичной истории крайне важны преодоление этого недоверия и поиск возможностей сотрудничества. Распространение проектов частной памяти создает поле для такого сотрудничества.

Именно поэтому рассмотрим далее роль публики в проектах, посвященных частной памяти, основываясь на концепции «культуры участия» [Jenkins 2006].

Публика отстранена от публикации личных свидетельств в проектах, созданных историками в тесном взаимодействии с научными и образовательными центрами («Устная история», «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» и Обнинский цифровой проект). Здесь личное прошлое понимается как знание, которое было подготовлено компетентными специалистами. Аудитории предлагается воспринимать его подобно контенту массмедиа, роли продюсеров зарезервированы за сотрудниками проектов.

Напротив, целый ряд проектов предусматривает загрузку текста и фотографий самими пользователями непосредственно на сайт. В «Сибиряках вольных и невольных» под пользовательским контентом понимаются прежде всего тексты, на Relikva единицу контента составляет текст небольшого объема и изображение, в то время как остальные подобные проекты — «История России в фотографиях» и PastVu — предлагают загружать фотографии. На всех этих сайтах предусмотрена премодерация — редакторы сайта проверяют контент на соблюдение законодательства РФ. Редактуры при этом не предусмотрено. В «Истории России в фотографиях» уделяют особое внимание уникальности визуального контента.

Сочетание пользовательских историй и контента, который предоставляют создатели сайта, везде разное. Так, в «Сибиряках вольных и невольных» раздел «Истории» является важной, но не единственной частью сайта. На сайте также публикуются разнообразные архивные документы и статьи, имеющие отношение к заявленной тематике. «История России в фотографиях», активно взаимодействуя с индивидуальными пользователями, привлекает к сотрудничеству архивы и музеи, публикуя их источники в рамках проекта. Именно этот контент, а также фотографии, предоставленные Мультимедиа Арт Музеем, составляют сейчас основную часть контента сайта. PastVu и Relikva полностью основаны на тех историях и документах, которыми делятся пользователи. Но фигура создателя сайта и его окружение остаются важными факторами формирования контента: например, основу PastVu составляет фотоколлекция авторов проекта, а круг постоянных пользователей Relikva составляют знакомые создателей сайта, которые относятся к узкой социальной группе и были привлечены к проекту благодаря личным связям.

Частично используют пользовательский контент сайты «Открытый список» и «Бессмертный барак». «Открытый список» использует wiki-платформу с кнопкой «править». Фактическую информацию создатели проекта извлекают из списка жертв политических репрессий, подготовленного обществом «Международный Мемориал», и соответствующих документов, пользователям же предлагается редактировать раздел «Биография», дополняя его семейными историями. История правок отражается на сайте, пользователи могут с ней ознакомиться. «Бессмертный барак», следуя, в общем, той же логике, предлагает не загружать на сайт, а присылать редакторам личные биографические истории.

Особую форму участия предлагает аудитории проект «Прожито». Сканированием оригиналов дневников, расшифровкой, сверкой и редактурой занимаются волонтеры. С «Прожито» сотрудничают люди разных профессий и возрастов, живущие в разных регионах, — по большей части работа организована дистанционно. Координация деятельности волонтеров — одно из ключе-

вых направлений работы учредителей проекта. В ближайшие пять лет создатели сайта собираются разработать программное обеспечение, которое полностью координировало бы работу волонтеров из единого цифрового центра.

Таким образом, в тех случаях, когда участие пользователя предусмотрено, оно вписывается в одну из двух траекторий. Во-первых, это изложение своей личной или семейной истории в текстовой или визуальной форме. Во-вторых, это инвестиции собственного труда в подготовку к публикации свидетельств другого человека — часто (но не обязательно) родственника.

Материл, создаваемый пользователями, добавляет детальное, индивидуальное, частное в представление о факте, явлении или направлении исследований, таком, например, как история повседневности. Кроме того, личные истории вносят в разговор об отдельных сюжетах прошлого этическое измерение, подчеркивая уникальность опыта каждого человека.

Формулируя выводы, следует отметить, что представления о своих задачах у создателей проектов личной памяти на данный момент не отличаются ясностью. Зачастую эти проекты позиционируют себя одним образом, а в действительности реализуют несколько другую программу. Прямым следствием этого является максимально неопределенное представление о целевой аудитории проектов: она либо вообще не определена, либо описана как «широкий круг лиц» или «все заинтересованные».

Из десяти рассмотренных проектов только один был создан в Томске — остальные в Москве. Это говорит, с одной стороны, о неравномерности распределения инициатив: локальные, региональные, имеющие отношение к отдельным группам людей истории крайне редко становятся объектом внимания российской digital history. С другой стороны, подобная ситуация возвращает нас к вопросу о том, каким образом распределяются необходимые для создания и функционирования подобных проектов ресурсы.

Должны ли мы рассматривать проекты частой памяти только как исследовательские инициативы или они могут претендовать на роль игроков на рынке цифровых медиа? Ответ на этот вопрос напрямую зависит от роли и степени участия аудитории в работе этих исторических проектов. Пока здесь распространен элитистский подход — стремление ограничить возможности участия аудитории, которой в большинстве случаев отводится роль информанта, а также отмежеваться от журналистских подходов. Возможно, осторожное преодоление этих профессиональных границ могло бы расширить содержание и влияние цифровых проектов.

Тем не менее ответ на основной исследовательский вопрос нашей статьи — способны ли сегодня российские цифровые проекты частной памяти сформировать альтернативные официальным представления о прошлом и производстве знания о нем — скорее положительный, хотя наша уверенность в этом основана не на статистических данных (количество проектов и их участников очень невелико, а вся аудитория в основном находится в Москве и нескольких центральных городах), а на уверенности в значимости прецедента: подобные проекты отвечают на целый спектр вопросов, на которые не может ответить сегодня официальная история.

Рассмотренные российские цифровые проекты выступают в роли испытательных площадок, на которых дискуссии об общем и частном в истории, о про-

фессионалах и любителях, а также о возможностях и границах междисциплинарности воплощаются в конкретных медиапродуктах. Эти проекты находятся в процессе поиска собственного языка и собственной модели устройства коммуникации как между академической наукой и публикой, так и между отдельными людьми. Цифровые проекты частной памяти сегодня — это пространство технологических и содержательных экспериментов, постоянно расширяющих наши представления о прошлом, форматах истории и памяти, а также о возможностях личного участия в формировании гуманитарного знания.

Интернет-источники

Бессмертный барак — Бессмертный барак — проект, сохраняющий историю. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/bessmertnyy_barak_-_proekt.

Варламов 2018a — *Варламов И.* Разделение Pastvu.com на регионы // Planeta. 2018. 9 апр. URL: https://planeta.ru/campaigns/1691.

Варламов 2018b — *Варламов И.* Pastvu.com: расширение горизонтов возможностей // Планета. 2018. 9 апр. URL: https://planeta.ru/campaigns/1694/about.

Вокуев 2016 — *Вокуев Н.* Кинокритик Антон Долин: У нас вместо идеологии — сплошная эклектика и дыры в памяти // 7×7: Горизонтальная Россия. 2016. 29 нояб. URL: https://7x7-journal.ru/item/89584.

Звуковые архивы — Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: http://museum.gulagmemories.eu/ru.

Медведев 2017 — *Медведев С.* Битва за Воробьевы горы: о памятнике князю Владимиру // Радио Свобода. 2015. 3 июня. URL: http://www.svoboda.org/a/27052167.html.

О проекте (a) — О проекте // Прожито. URL: http://prozhito.org/about.

О проекте (b) — О проекте // Устная история. URL: http://oralhistory.ru/about.

О фонде — О фонде // Благотворительный фонд «Протяни руку». URL: https://ruku.org/about.

Правила — Правила проекта PastVu // PastVu. URL: https://pastvu.com/rules.

Публичная сфера 2017 — Публичная сфера в России: case studies. Спарринг редакции с историком и социологом: Александр Марей и Григорий Юдин на Gefter.ru // Gefter.ru. 2017. 27 февр. URL: http://gefter.ru/archive/21297.

Рожанский 2017 — *Рожанский М.* «Устная история» — философия памяти // Gefter.ru. 2017. 8 апр. URL: http://gefter.ru/archive/13083.

Сибиряки б. д. — Сибиряки вольные и невольные. URL: https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb.

Сибиряки 2016 — Сибиряки вольные и невольные // Троицкий вариант — Наука. 2016. 28 июня. С. 10–11. URL: http://trv-science.ru/2016/06/28/sibiryaki-volnye-i-nevolnye.

Тарасов 2018 — *Тарасов А.* Присвоение Бессмертного полка // Новая газета. 2015. 12 мая. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/05/12/64099-prisvoenie-bessmertnogo-polka.

Эппле 2017 — *Эппле Н.* Внешняя политика памяти // InLiberty. 2017. 31 марта. URL: http://www.inliberty.ru/blog/2546-Vneshnyaya-politika-pamyati.

Литература

Абрамов, Кожанов 2015 — *Абрамов Р. Н., Кожанов А. А.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. № 2. С. 45–67.

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Володин 2015 — *Володин А. Ю.* «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 6. Вып. 8 (41). 2015. С. 5–16. URL: https://history.jes.su/s207987840001228-9-1.

Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Нора 2005 — *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html.

Орлова 2016 — *Орлова Г. А*. Собирая проект // Шаги / Steps. Т. 2. № 1. 2016. С. 154–166.

Репина 2015 — *Репина Л. П.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. Т. 157. Кн. 3. 2015. С. 55–67.

Савельева 2014 — *Савельева И. М.* Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.

Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007.

Cohen, Rosenzweig 2006 — *Cohen D., Rosenzweig R.* Digital History: A guide to gathering, preserving, and presenting the past on the Web. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006.

Erll 2005 — *Erll A.* Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. Stuttgart: Metzler, 2005.

Gambarato, Lapina-Kratasyuk 2016 — *Gambarato R., Lapina-Kratasyuk E.* Transmedia storytelling panorama in the Russian media landscape // The Russian Journal of Communication. Vol. 8. No. 1. 2016. P. 1–16.

Garde-Hansen 2011 — *Garde-Hansen J.* Media and memory. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011.

Grimes 2006 — *Grimes R.* Rite out of place: Ritual, media, and the arts. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2006.

Hoskins 2009 — *Hoskins A.* Digital network memory // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / Ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 91–108.

Jenkins 2006 — *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York Univ. Press, 2006.

Noiret 2013 — *Noiret S.* Digital History 2.0 // L'histoire contemporaine à l'ère numérique = Contemporary history in the digital age / Sous la dir. = Ed. by F. Clavert, S. Noiret. Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2013. P. 155–190.

Rainie, Wellman 2012 — *Rainie L., Wellman B.* Networked: The new social operating system. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012.

Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture

Lapina-Kratasyuk, Ekaterina G.
PhD (Candidate of Science in Culture Studies)
Associate Professor,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
Tel.: +7 (495) 772-95-90
Senior Researcher,
Laboratory of Historical and Cultural Research,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: kratio@mail.ru

Rubleva, Milena V.
MA Student,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
Tel.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: mefito23@gmail.com

Abstract. This article discusses the phenomenon of Russian digital projects to preserve personal memories, which include "Oral History", "European Memory about the GULAG", the Obninsk digital project, PastVu, Relikva, etc. The goal of the research is to answer the question whether these projects are able to form public alternatives to official constructions of the past and ways in which that past is to be studied. The qualitative research is theoretically and methodologically based on notions of memory theory, public and digital history as well as media memory and digital network memory. Problems of participatory culture in digital historical projects are also studied. The authors put forward an analytical model based on uncovering the aims and themes of digital projects, the particulars of their funding, the role of professional historians and the participatory practices of the audience.

Keywords: digital archives of personal memories, digital history, public history, participatory culture

References

Abramov, R. N., Kozhanov, A. A. (2015). Kontseptualizatsiia fenomena Popular Science: modeli vzaimodeistviia nauki, obshchestva i media [Popular Science conceptual analysis: Models of science, society and media communications]. *Sotsiologiia nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]*, 2015*(2), 45–67. (In Russian).

Assman, A. (2014). Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [Trans. from Assman, A. (2006). *Der lange Schatten d er vergangenheit: Erinnerungskultur und geschichtspolitik*. Munich: C. H. Beck]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Cohen, D., Rosenzweig, R. (2006). *Digital History: A guide to gathering, preserving, and presenting the past on the Web.* Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Erll, A. (2005). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung.* Stuttgart: Metzler. (In German).

Gambarato, R., Lapina-Kratasyuk, E. (2016). Transmedia storytelling panorama in the Russian media landscape. *The Russian Journal of Communication, 8*(1), 1–16.

Garde-Hansen, J. (2011). *Media and memory.* Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.

Grimes, R. (2006). *Rite out of place: Ritual, media, and the arts*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Hoskins, A. (2009). Digital network memory. In A. Erll, A. Rigney (Eds.). *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory*, 91–108. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York Univ. Press.

Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiati* [Trans. from Halbwachs, M. (1994). *Les cadres sociaux de la mémoire.* Paris: Albin Michel]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Noiret, S. (2013). Digital History 2.0. In F. Clavert, S. Noiret (Eds.). *L'histoire contemporaine à l'ère numérique = Contemporary history in the digital age*, 155–190. Bruxelles: Peter Lang. (In French and English).

Nora, P. (1999). Mezhdu pamyat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Trans. from Nora, P. (1986). *Les lieux de mémoire.* Paris: Gallimard]. In P. Nora et al. *Frantsiia-pamiat'* [France-memory], 17–50. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).

Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamiati [Trans. from Nora, P. (2002). Reasons for the current upsurge in memory. *Transit, 22*]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture]*, 2005*(2–3). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html. (In Russian).

Orlova, G. A. (2016). Sobiraia proekt [Foreword to the cluster: Assembling the project]. *Shagi / Steps, 2*(1), 154–166. (In Russian).

Rainie, L., Wellman, B. (2012). *Networked: The new social operating system*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Repina, L. P. (2015). Nauka i obshchestvo: publichnaia istoriia v kontekste istoricheskoi kul'tury epokhi globalizatsii [Science and society: Public History in the context of historical culture of the globalization era]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, 157*(3), 55–67. (In Russian).

Savel'eva, I. M. (2014). Professional'nye istoriki v "publichnoi istorii" [Professional historians in "Public History"]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Current History Journal]*, 2014*(3), 141–155. (In Russian).

Volodin, A. Iu. (2015). "Tsifrovaia istoriia": remeslo istorika v tsifrovuiu ehpokhu [Digital History: The craft of historian in the digital age]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Istoriya. Electronic Journal of Education and Science]*, 6*(8(41)), 5–16. Retrieved from https://history.jes.su/s207987840001228-9-1. (In Russian).

To cite this article:

Lapina-Kratasyuk, E. G., Rubleva, M. V. (2018), Proekty sokhraneniia lichnoi pamiati. Tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiia [Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture]. *Shagi / Steps*, *4*(3), 147–165. (In Russian).

Received April 11, 2018